

ДИАГНОСТИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ПРОЦЕССОВ

О природе и предназначении измерений в экономике *

Л. А. Реймер

История экономических измерений насчитывает не одну тысячу лет. Как и в иных сферах человеческих отношений, применение новых символов¹ меры в зарождавшейся практике товарных обменов решало конкретные сиюминутные задачи, отводя им, как правило, служебную роль. Непосредственными участниками обмена они воспринимались исключительно как подручные инструменты, технически облегчающие сравнение полезности обмениваемых продуктов. Функционально эти символы предназначались для сопровождения и упрощения обменов конкретных товаров между их собственниками — частными лицами и/или группами, организованными по какому-либо профессиональному или территориальному принципу. Ориентация на решение сугубо практических задач изначально рождала понимание конструкции единицы измерения как некоторой непрерывно или периодически меняющейся пропорции. Обычно каждая такая пропорция на момент продажи фиксировала отношение определенного количества уже признанных данным обществом единиц меры эталона² и оп-

---

* Работа выполнена в рамках исследования по гранту РГНФ № 07-02-00373а «Методологические и институционально-организационные предпосылки управления территориальным развитием».

¹ Как нам представляется, применительно к измерениям в сфере человеческих отношений всегда правомернее говорить не о единицах, а именно о символах меры, поскольку здесь фактически отсутствуют константы, характерные для технических и естественных наук и, как правило, служащие фундаментом построения непротиворечивых систем измерения.

² Например, веса, длины, времени и т. п.

ределенного количества единиц качественно иного продукта³, абстрактного по своей природе. Однако, в отличие от фундаментальных мер-эталонов, для которых обычен жестко ограничительный регламент условий измерения, в данном случае исчисление количества — а часто и выбор единицы меры⁴ — определялось временными или относительно продолжительными договоренностями. В результате конкретные, текущие условия обмена, как правило, существенно влияли на устанавливаемую, в конечном счете, величину пропорции, которая во многих случаях не была достаточно предсказуема, впрочем, как и направление ее изменения в следующем обмене.

Постепенно пользование такими измерителями вырабатывало и у продавцов, и у покупателей индивидуальное представление о рациональных процедурах поиска разумных, т. е. удовлетворявших обе стороны, пропорций обмена. Прибегая к современной терминологии, последнее, правда, с большой натяжкой, можно интерпретировать как поиск паритета общественной полезности продуктов, участвующих в обмене. Такое накопление исторического знания, зачастую неоднозначного и всегда субъективного по своей сущности, формировало не только и не столько методологию принятия участниками обмена разовых решений, но и обобщенную, многосубъектную и потому статистически объективную информационную базу установления цены и процедур, ведущих к более успешному пути достижения своих интересов. Кроме того, накопление подобных знаний было необходимо общественному арбитражу при поиске компромиссов в случае возникновения индивидуальных конфликтов интересов в результате совершенных «сделок».

Очевидно, кратковременное осознание собственной персоны в качестве «продавца» и/или «покупателя» вынуждало даже случайного участника акта обмена оценивать «для себя» сравнительную полезность обмениваемых продуктов, основываясь на индивидуальном знании товарного производства и личностных либо клановых отношений, влияющих на обычную практику. Эволюционное накопление таких индивидуальных и, следовательно, субъективных оценок и «сарафанная» трансляция частных историй обменов провоцировали и исподволь множили попытки их широкого и стихийного, но утилитарно направленного понимания уже на групповом уровне. Поскольку, несмотря на практически неоспариваемое в те непростые времена преклонение перед сверхъестественным, они (попытки) все же не могли полностью игнорировать накапливаемый опыт человеческого

---

³ Например, стоимости, расхода, дохода и т. п.

⁴ Последние могли быть мерами веса (например, зерна или металлов), площади (например, земельного или водного участка), головами домашнего скота или шкурами диких животных и т. п.

общезнания, то в самой примитивной (а возможно, и в неявной, подсознательной форме) связывали сравнительную полезность обмениваемых продуктов и сопутствующие месту и времени внешние условия торгов. Так, итеративно и преимущественно на вербальном уровне отстраивалось и, приспособляясь к текущим нуждам, воспроизводилось представление участников о процедурах сопоставления и об оценке связи качественных и количественных измерителей, позднее трансформировавшееся в конструкцию построения шкал и иных инструментов измерения связи разных факторов.

Расширение масштабов товарного производства и, соответственно, обменов, постепенная инструментализация текущей практики, а также последовательное осмысление перемен производственных отношений (как прямого следствия усложнения и разделения труда) накапливали и упорядочивали условно-объективные знания о сравнительной ценности разных торгуемых продуктов и, вероятно, о предпочтительных формах организации торгов. Уже на этой, полудикой ступени общественного развития у некоторых человеческих особей, более других заточенных на поиск истины и обобщение причинно-следственных зависимостей⁵, не могло не возникнуть внутреннее понимание предпочтительности установления общих правил, регламентации обменов. Функционально такие правила институализировали производство и обмен товаров, т. е. легитимировали предпочтительные процедуры выработки и соблюдения условий, в совокупности стимулирующих сравнительно лучшее производство товаров и их последующий обмен, а также гарантирующих в дальнейшем относительно лучшее обеспечение расчетов и исполнение обязательств сторон.

Эволюция значимости обменов в жизни общества последовательно и неминуемо вела к концентрации торговли на привычных, облюбованных местах и к проведению «торговых сессий» в определенные периоды. Новое явление, затрагивающее растущее количество населения, предъявляло права на особые организационные формы. А постепенное вовлечение в товарообменные отношения новых участников и, следовательно, объективный рост количества конфликтов интересов подвигали общество к осознанию практичности установления особых форм организационного и морально-этического регулирования каждодневного бытия.

Кроме того, как известно из истории, развитие товарного производства неотделимо от разделения труда. Последнее, в свою очередь, ускоряет самоорганизацию населения по профессиональному признаку, а в дальнейшем и его структурирование по уровню доходов и групповой значимо-

---

⁵ Пусть вначале на уровне интуиции, верования.

сти в общественной жизни. Сам процесс общественного структурирования невольно подталкивал к постепенному выстраиванию глобальной институциональной архитектуры общественных отношений.

Термин «экономия» (от греч. *oikonomikē*, ойкономиа, от слов *oikos* — дом, хозяйство и *nomos* — правило, закон или в совокупности — правила ведения домашнего хозяйства), как пишет А. В. Аникин⁶, употреблялось в Греции еще в IV в. до н. э. Так даже озаглавил одно из своих дошедших до нас сочинений ученик Сократа Ксенофонт, где в форме диалога, традиционной для этой риторской школы, он выразил бытовавшее и собственное понимание «разумных правил» ведения домашнего хозяйства. В греческой терминологии тех времен оно включало собственность греческого гражданина, т. е. право владения землей, недвижимостью, орудиями труда и рабами.

Однако как наука — или система знаний о закономерностях в развитии природы, общества и человеческого мышления — со своим специфическим абстрактно-аналитическим инструментарием и логикой построения гипотез «экономия» или производная от нее «экономика» впервые обосновалась в сочинениях Аристотеля (384–322 гг. до н. э.). Именно он органично встроил сущностные проблемы справедливого обмена товаров, функционального назначения и ответственности при владении и управлении собственностью, определения меры стоимости, организации и мотивации взаимодействия людей в процессе производства и обмена, рационального и справедливого, ответственного и опирающегося на закон государственного обустройства в единое системное мировоззрение. В трактатах «Никомахова этика» и «Политика» Аристотель впервые, если судить по известным сегодня источникам, строил свои гипотезы и логические выкладки на анализе специально собранных и соответствующим образом обработанных фактических данных. Исследование сравнимости двух товаров в процессе обмена, систематизация и анализ фактуры и масштабов множества единичных актов обмена позволили Аристотелю⁷ сформулировать такие давно ставшие привычными для современной экономической науки категории, как потребительная и меновая стоимость. Кроме того, это привело его к принципиальному пониманию денег как реального и эффективного инструмента субъективного сравнения множества товаров, что в свою очередь способствовало осмыслению и объективной системной оценке их роли в цикле обеспечения жизнеспособности и воспроизводства общества. Логика анализа взаимодействия разных групп в процессе обме-

---

⁶ Аникин А. В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М.: Политиздат, 1971. www.finbook.biz

⁷ Агапова И. И. История экономической мысли. Курс лекций. М.: ЭКМОС, 1998. http://enbv.narod.ru/text/Econom/agapova_iem/str/p43.html

на позволила ему сформулировать, что деньги всегда и везде есть плод конкретных человеческих соглашений. А так как они (деньги) являются физическими представителями интересов разных групп населения, их оборот отождествляет или, точнее, материализует определенные общественные отношения, следовательно, подход к осмыслению их обращения и накопления обязан строиться с учетом правил традиционной этики. Любое пренебрежение этими фундаментальными принципами денежного сопровождения товарного обмена даже со стороны ограниченного числа частных лиц чревато для общества как единой совокупности нежелательными последствиями. Обращаясь в экономике⁸, они (деньги) исполняют полезную общественную функцию, проявляют свою суть в соответствии с законом или обычаем: отражают меру стоимости обмениваемых товаров и, как следствие, превращаются в прирост капитала или в истинное богатство. Напротив, обращаясь в хрематистике⁹, они реально не создают новой потребительной стоимости¹⁰, расширяя сферу неистинного богатства, единственная цель которого — «...беспредельное богатство и обладание деньгами».

В середине прошлого века великий физик Нильс Бор любил говорить своим ученикам: «Решения устаревают, проблемы остаются». Этот, по сути, фундаментальный мировоззренческий постулат закономерно распространить на экономику как науку. Достаточно без снисходительной ухмылки взглянуть на комплекс проблем, волновавших Аристотеля. Разумеется, в постановке задачи, в методологии и методах анализа, наконец, в вербальной формулировке они внешне, и особенно в деталях, заметно отличаются от нынешних. Однако экономика как сфера человеческой деятельности во многом определяет коридор возможностей, по крайней мере, материального существования общества. В силу особой предназначенности этой прозаической составляющей нашего бытия экономическая наука с возникновения и поныне занята не только осмыслением глубинных сущностей общественных отношений, но и методическим обеспечением насущных задач производственных отношений, в том числе и поиском рациональных механизмов их регулирования. И поскольку функциональные задачи экономики как науки, несмотря на любые тектонические сдвиги в общественных отношениях, фундаментально не меняются, сохраняется и ее основная проблематика, прежде всего

---

⁸ В приведенной выше базовой трактовке.

⁹ Искусство делать деньги. Так Аристотель вербализирует сферу обращения ростовщических денег.

¹⁰ Разумеется, если исключить из рассмотрения сами деньги как специфический товар, предполагающий существование спроса и, следовательно, особой потребительной стоимости. Но Аристотель рассматривает судный капитал исключительно как ростовщический.

связанная с кругом проблем, концентрирующихся вокруг исследования взглядов структурированных групп населения на этику отношений обмена и справедливость распределения общественного богатства и результатов труда.

Естественно, со временем вербально меняются формулировки и сферы применения основных понятий и терминологии. Однако последнее обусловлено не столько научными новациями, сколько изменениями форм деятельности и, прежде всего, самого субъекта общественных отношений — обучающегося человека. Непрерывный и всегда системный поток перемен, возможно ожидаемых, но всегда непредсказуемых с точностью физических или естественно-технических экспериментов, порождает новые, порой неожиданные направления деятельности и, следовательно, новые нюансы производственных отношений. Исследование и осмысление таких «ожидаемых неожиданностей», подготовка большинства деятельного населения к их оперативной и разумной оценке, воспитание у него внутренней готовности к выбору в пользу адекватного, экономически мотивированного поведения в разных общественно значимых ситуациях была и остается одной из фундаментальных прикладных задач экономической науки. Замалчивание или, тем более, апологически-конформистская оценка возможных последствий недостаточно мотивированных и осмысленных решений власти и недостаточно ответственного населения не раз пачкали репутацию экономической науки.

Однако — и это необходимо особо отметить — выбор целей деятельности, без сомнения, лежит вне сферы интересов и задач экономической науки. «Это наука, — пишет Людвиг фон Мизес, — о средствах, которые будут использованы для достижения избранных целей, но, безусловно, не наука выбора целей»¹¹. И далее: «Вклад науки в жизнь и деятельность состоит не в том, чтобы выносить ценностные суждения, а в том, чтобы прояснить условия, в которых человеку предстоит действовать, и разъяснять последствия различных способов действия»¹².

Отметим, что нацеленность экономической науки на понимание сути процессов общественного обмена, на исследование логики и этики меркантильно-возмездных отношений между отдельными индивидуумами и между индивидуумом и обществом, на определение области возмездных и безвозмездных обменных отношений может быть обеспечена исключительно анализом истории развития общественных отношений. Однако практическая (или реальная) экономика, т. е. поле, на плодах которого наука вскармливается, живет по своим объективным законам. Поэтому если задача

---

¹¹ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: ОАО «НПО „Экономика“», 2000. С. 13.

¹² Там же. С. 165.

фундаментальной экономической науки — познание законов общественного обмена и, прежде всего, исследование механизмов, повышающих эффективность использования общественных ресурсов, то прикладная больше внимание уделяет поиску системных регуляторов экономического развития, включая методическое обеспечение текущей хозяйственной практики.

В доказательствах своих гипотез и умозаключений экономическая наука, как правило, учитывает наблюдавшуюся в предшествующем развитии повторяемость сходных событий и явлений, а выбор и обоснование конструкций и механизмов регулирования строит на исследовании мотивации и логики поведения индивидуумов и отдельных структурированных групп в разных условиях обмена. Как наука о человеческих стимулах, она позволяет под иным углом взглянуть на многие явления современной жизни. Систематизируя и описывая возникающие вновь или повторяющиеся факты человеческой деятельности, экономическая наука обнаруживает причинно-следственные связи, проявляющиеся объективно и независимо от воли людей, анализирует их присущими ей методами и описывает соответствующим языком. При желании понимание и профессиональное использование полученных результатов позволяют повышать качество жизни, с большей общественной пользой используя располагаемые национальные, а при нынешних формах разделения труда и транснациональные ресурсы.

Наконец, процессы, протекающие в общественной среде (в том числе в экономике), по своей природе не стационарны. В их формировании и протекании участвует множество факторов (производственных, институциональных, правовых, социальных, традиционно-бытовых, природных и т. п.), образующих сложные, меняющиеся во времени и пространстве комбинации. Причем сами процессы протекают в особой среде, которую правомерно назвать средой регулирования, где общие рамки задаются правом и практикой его применения, а постоянные или периодически возникающие связи между факторами, организующими процесс, не механистичны, а скреплены договорными или традиционными отношениями. В этой связи отметим, что даже однотипные проявления человеческой деятельности, как правило, не повторяются в неизменном виде даже при внешнем сходстве хозяйственной ситуации. Они однозначно узнаваемы по некоторым ранее описанным и систематизированным характеристикам, но не с точностью лабораторного опыта или механического устройства.

Четко прослеживаемое отсутствие постоянных закономерностей в протекании экономических процессов предопределяет эмпирический подход к их исследованию. В то же время нетрудно заметить, что их описание и анализ используют параметры, характеризующие изменения раз-

личных аспектов общественного бытия, а длительность наблюдения является важным, но не превалирующим доказательством. Хотя история — всегда важнейший аргумент в нашем стремлении к осмыслению природы каждого экономического явления и в оценке его роли в системе общественных отношений, в попытках предвидения будущего значимость отдаленных во времени наблюдений представляется ничтожной.

Кроме того, каждая сфера человеческой деятельности, во-первых, вырабатывает собственное отношение к познанию фундаментальных для нее явлений, во-вторых, отстаивает собственные интересы, вследствие чего функционально нацелена на решение определенного класса задачи. По этой причине каждая исповедует свои принципы организации измерений и мониторинга, а во многих случаях в основном полагается на собственную систему измерения.

Любые измерения — сравнение. В естественных науках или технике принципы измерения основаны на договоренностях о базовых единицах измерения (эталолах) и регламенте их измерения и табулирования соответствующих устройств. Кроме того, естественные и технические науки строят свои исследования на известных постоянных или вероятностных, подтверждаемых статистикой воспроизводимых опытов, зависимостях, что в большинстве случаев допускает и даже поощряет обобщение частных результатов. Здесь достаточно четко очерчено пространство, на котором существуют фундаментальные условия для воспроизведения опыта с получением результата, близкого к заданному, равно как и планирование возможных параметров будущих результатов.

Иной подход к измерениям в общественных науках, где чаще всего приходится договариваться о применяемых показателях и правилах (методологии) их исчисления, а также границ целесообразного применения. Главная особенность экономических измерений — двойственность, диктуемая их функциональным разделением на измерения, сопровождающие:

- текущие товарные обмены;
- регулирование текущей хозяйственной практики;
- исследования, нацеленные на понимание природы экономических процессов;
- разработку инструментария, позволяющего практическое использование результатов и методологии исследований в практике хозяйствования и регулирования.

Л. фон Мизес пишет¹³, что люди, обмениваясь плодами своей деятельности, наполняют практическую экономику реальным смыслом. Оце-

---

¹³ Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994. http://www.libertarium.ru/libertarium/l_lib_socialism0

нить блага, готовые для потребления, способен любой здравомыслящий человек. Однако если производственные процессы многообразны и продолжительны, выбор всегда непрост и требует расчетов, для которых, в свою очередь, нужны мерные единицы и правила измерения субъективной потребительной ценности разных благ. Однако сами по себе «ценностные суждения ничего не измеряют: они ранжируют, располагают по порядку». Чтобы придать своим расчетам большую убедительность, даже изолированный¹⁴ человек вынужден предположить взаимозаменяемость включенных в рассмотрение благ. В сложных и длительных производственных цепочках такая возможность исключена.

Рынок моделирует взаимозаменяемость товаров, и это, как упоминалось ранее, позволяет, во-первых, свести воедино и сопоставить субъективные ценностные предпочтения всех участников торгов, во-вторых, контролировать эффективность использования средств производства и, наконец, создать общую единицу ценности. В рыночной модели эту роль может исполнять любой товар, но деньги просто удобнее. Однако тем, кого всерьез занимает экономическая природа обменов, полезно осознать: «Деньги не есть мера цен или ценностей. Деньги не измеряют ценность. И цены... есть только количество денег... Как и любой товар, деньги не имеют неизменной ценности. Отношения между деньгами и товарами постоянно изменяются, и не только „со стороны товаров“, но и „со стороны денег“. Как правило, эти изменения не... слишком воздействуют на экономические расчеты, потому что при постоянном изменении всех условий экономической деятельности эти расчеты охватывают лишь сравнительно короткие периоды времени, чтобы за это время „надежные деньги“ не меняли своей покупательной силы слишком уж существенно»¹⁵.

---

¹⁴ То есть человек, для которого набор сравниваемых продуктов и перебор их комбинаций существенно ограничены.

¹⁵ Отметим: это написано в далеком 1922 г. И, как бы в пику современным проповедникам социального государства, он продолжает свой анализ: «Недостатки денежных расчетов большей частью имеют причиной то, что они основываются на меновых ценностях, а не на субъективных потребительных ценностях». В результате не все элементы ценности учитываются при расчетах. Например, при определении прибыльности гидроэлектростанции «мы не можем включить в расчет неизбежный урон красоте пейзажа, разве что будут учтены убытки от сокращения туризма. Соображения такого рода часто называют неэкономическими... Красота местности или здания, здоровье народа, честь индивидуума или нации, если люди признают это имеющим значение, даже не участвуя в отношениях обмена (поскольку не имеют хождения на рынке), являются полноправными мотивами рационального действия — не хуже тех, которые принято называть экономическими. Их нельзя учесть в денежных расчетах, ибо такова природа этих расчетов. Но это ни в коей мере не снижает ценность денежных расчетов в обычных экономических вопросах. Все такого рода моральные блага являются благами первого порядка. Мы можем оценивать их непосредственно; потому-то нам нетрудно учитывать их, несмотря на то,

Российских экономистов¹⁶ по отношению к измерениям в экономике можно условно поделить на три неравные группы. Самая многочисленная занята преимущественно описанием применения тех или показателей в рутинных расчетах и при экономических сопоставлениях. Вторую достаточно большую группу специалистов занимает проблема «как измерять». Среди них высока доля лиц, профессионально занимающихся статистикой или в своей исследовательской и аналитической деятельности широко пользующихся статистическими методами. Наконец, третью, самую немногочисленную группу специалистов в первую очередь волнует проблема «зачем измерять».

Первая группа в своей профессиональной деятельности в основном оперирует широким набором экономических показателей, принятых в практике действующих систем бухгалтерской и национальной статистики. По умолчанию предполагается, что сам факт включения в «списочный состав» придает экономическим показателям особый уровень легитимности. Чаще всего «списочный» (или производный от него) показатель воспринимается неоспариваемой данностью, и, как правило, исследователи не утруждают себя «излишним» доказательством правомочности и целесообразности их применения в своих работах. Это зачастую приводит к механистическому восприятию производственных отношений и примитивизации толкования причин и следствий процессов, протекающих в общественной сфере¹⁷ и формирующих, прежде всего, воспроизводственные циклы в экономике. Прямое последствие «жизнедеятельности» такого понимания сути экономических явлений — недостаточно ясное представление о задачах экономики как науки. В результате многочисленные исследования пестрят клишированными формулировками: «больше — меньше», «увеличилось — снизилось», а сухие статистические выкладки без достаточных оснований возводятся в статус «матери доказательств». Подобный взгляд на принципы исследова-

---

что они пребывают вне сферы денежных вычислений. Хоть они уходят от исчисления, их несложно иметь в виду. Если мы в точности знаем, сколько следует заплатить за красоту, здоровье, честь, гордость и тому подобное, ничто не помешает их учесть. Чувствительных людей может ранить необходимость выбирать между идеальным и материальным. Но это не вина денежной экономики. Такова природа вещей. Даже когда мы в силах судить о ценностях без посредства денежных расчетов, мы не можем избежать этого выбора» (*Мизес Л. фон*. Социализм. Экономический и социологический анализ).

¹⁶ Как, впрочем, и исследователей в других общественных науках.

¹⁷ Здесь хотелось бы обратить внимание на очень точное, по-моему, замечание академик В. М. Полтеровича: «Учебники по экономике и весь процесс обучения построены так, что создают у студентов впечатление, будто они изучают дисциплину, принципиально ничем не отличающуюся от естественных наук». См. доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика» в феврале 1997 г. «Кризис экономической теории». <http://www.cemi.rssi.ru/rus/publi-cat/e-pubs/d9702t/d9702t.htm>

ния природы и динамики общественных отношений (и экономики, как ее неотделимой составляющей), по-моему, — прямое следствие чрезмерно распространенного в XX в. общественного детерминизма. Его адепты наивно полагали (и полагают), что объемный, разномастный и непредсказуемый мир можно изобразить плоской схемой из кружочков, квадратиков и стрелок, а иерархически выстроенные общественные отношения — гарантией социальной справедливости и, следовательно, фундаментом стабильности. Однако всякое упрощение исследовательской модели общественного бытия имеет рациональные пределы, за которыми «простота изображения» вступает в явное противоречие с его (бытия) системной природой. Популистские декларации, подкрепленные организованными статистическими данными, всегда привлекательнее сложной и не всегда послушной природы экономических процессов. Создается удобренная почва для генерации поверхностных ассоциативных идей. Однако следование им, как мстительно доказывает неумолимая практика, чревато для экономики как сферы человеческой деятельности прямыми и заметными потерями (самые наглядные примеры последних лет — «пенсионная реформа» или «монетизация льгот») ¹⁸.

Вторую немалую группу исследователей для простоты и убедительности, по-моему, правомерно окрестить «статистиками». Их идеология достаточно точно представлена одним из известных современных российских специалистов прикладной статистики профессором А. И. Орловым: «Цель теории измерений — борьба с субъективизмом исследователя при приписывании численных значений реальным объектам. Выбор единиц измерения зависит от исследователя, т. е. субъективен. Статистические выводы могут быть адекватны реальности только тогда, когда они не зависят от того, какую единицу измерения предпочтет исследователь, т. е. когда они инвариантны относительно допустимого преобразования шкалы» ¹⁹.

Для специалистов этой группы приоритетны правила обращения с величинами, которые априори признаются результатами измерения. Исследователя заботят в основном технология самих замеров и обработки результатов, исключающие возможность применения преобразований, искажающих отношения, выявленные в ходе первичных замеров.

По умолчанию принимается, что выполнены три базовых условия теории измерения: «1) счет однородных дискретных объектов; 2) „атомизация“ непрерывной величины путем введения единицы измерения, по-

---

¹⁸ Неплохо бы учитывать и моральный ущерб, материализующийся в неверии в справедливость и профессионализм власти.

¹⁹ Орлов А. И. Репрезентативная теория измерений и ее применения. <http://www.newtech.ru/~orlov/reptheor.htm>

звolyающей свести ее измерение к счету однородных единиц; 3) взаимное превращение качественно разнородных элементов в один измеримый объект»²⁰.

Увы, экономические измерения вынуждены иметь дело с явлениями, фактически не позволяющими без серьезных оговорок соблyсти ни одно из приведенных условий. Как пишет автор одного из почти забытых, к сожалению, советских экономических бестселлеров 70-х гг. XX в. С. М. Вишнеv: «... в экономике... термин „величина“ применяется расширительно и допускает рассмотрение принципиально неизмеримых величин». И далее: «Помимо измерения (определенным эталоном), в экономике применяются различные способы сопоставления: балльные оценки, ранжирование (по возрастающим или убывающим показателям), сравнение типа „лучше — хуже“ и др. Такого рода сопоставления не являются измерением»²¹.

В канве прикладной статистики уже несколько десятилетий успешно развивается репрезентативная (или репрезентационная) теория измерений, находящая широкое практическое применение в социологии²². С ее помощью практикующие социологи активно пытаются соединить технологии измерения и последующего анализа в единый непрерывный процесс широко понимаемого, и прежде всего математического, моделирования. Мне кажется, при этом чрезмерно утрируется роль математизации в исследовании общественных явлений. Например: «В процессе познания измерения есть связующее звено между социальным объектом и его математическим представлением»²³ — совершенно безапелляционно пишет Ю. Н. Толстова. Таким жестким безальтернативным утверждением отрицается не только возможность познания социального явления вне математической формализации технологии его измерения и алгоритма обработки полученных результатов, но и самое право на подобную попытку. Между тем нетрудно предположить: любая формализация по определению игнорирует некоторую часть доступной информации и, следовательно, обедняет содержательное представление об исследуемом объекте. В действие вступает несколько мутированное правило рычага: выигрывая в точности, проигрываешь в содержательности. Кроме того,

---

²⁰ Вишнеv С. М. Экономические параметры (введение в теорию показателей экономических систем и моделей). М.: Наука, 1968. С. 116.

²¹ Там же. С. 115.

²² См. упомянутую работу А. И. Орлова; *Он же*. Прикладная статистика XXI в. // Экономика XXI в. 2000. № 9. С. 3–27; Смоляк С. А., Титаренко Б. П. Устойчивые методы оценивания. М.: Статистика, 1980; Дэвид Г. Метод парных сравнений. М.: Статистика, 1978; Толстова Ю. Н. Математическая логика, теория измерений и социологическое «мышление признаками» // Социология. 1998. № 10. С. 122–141; *Она же*. Измерение в социологии. М.: Инфра-М, 1998 и др.

²³ Толстова Ю. Н. Измерение в социологии. <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/53816.html>

вне рассмотрения остается сопоставление затрат на повышение точности измерения и полученного дополнительного знания, и нет ответа на вопрос — стоило ли оно того.

Методы репрезентативной статистики чаще всего применяются в исследованиях, где обильно употребляются методологии малых выборок и распределения частных оценок периодически повторяющихся состояний. Применяемые технологии позволяют статистически достоверно распространить полученные результаты на совокупности, структурированные по некоторому известному признаку. Подобные методологии с успехом могут быть использованы в текущей экономической практике, например, в оценках и анализе текущего спроса и для краткосрочных прогнозов последнего. Но в большинстве случаев нелепость переноса частных результатов даже в не слишком отдаленное будущее обнаруживается достаточно быстро. Причем связано последнее не с недостаточной точностью методов расчета, а, наоборот, с их детализацией, которая в подобных ситуациях лишь камуфлирует недостаточное понимание исследуемого процесса. И, в таком случае, обобщение частных результатов представляется небрежностью и леностью или отсутствием склонности к размышлениям.

В целом же приходится констатировать: в миропонимании статистиков преобладает определенная фетишизация технологий измерений, их точности и возможностей современного аппаратного обеспечения. При этом они фактически не учитывают особость общественных отношений, проявляющуюся в экономических обменах и в значительной степени возникающую как их следствие и, отчасти, как их причина. Статистикам удобнее не замечать или, по крайней мере, всячески принижать тривиальный факт: обычный человек в своих рутинных решениях и оценках отнюдь не всегда демонстрирует незыблемую приверженность критериям рационального поведения. Питательной средой преимущественно механистичного восприятия мотивов и результатов человеческой деятельности служат уже упомянутые общественный детерминизм и культура нынешнего образования²⁴, возвращенная его массивными инъекциями. Адепты технократического взгляда на регулирование общественных отношений не воспринимают, что «в мире физических и химических событий существуют (или по крайней мере считается, что существуют) постоянные зависимости между величинами, и человек способен открыть эти постоянные с разумной степенью точности с помощью лабораторных экспериментов. Аналогичные постоянные зависимости отсутствуют в сфере человеческой деятельности за пределами физической и химической технологии и терапии»²⁵.

²⁴ Подмечено академиком В. М. Полтеровичем в упомянутом выше докладе.

²⁵ *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. С. 55.

Хотя, как пишет В. С. Автономов, член-корреспондент РАН, «...большинство экономистов, по всей видимости, не интересуются вопросами экономической методологии или даже относятся к ней неприязненно»²⁶, все же существует сравнительно малочисленная, но чрезвычайно авторитетная когорта экономистов, для которых проблема «зачем, что и когда измерять» — всегда в списке важнейших. Измерения в экономике связывают теоретические исследования и реальный воспроизводственный процесс, обеспечивают методологическую адаптацию результатов науки к организации и регулированию хозяйственной практики. В этой связи, по-моему, стремясь к большему пониманию природы экономических процессов и функциональной роли измерений, как звена, связывающего теорию и практику, необходимо учитывать следующее.

1. Хотя теоретически идеальная модель рациональной экономики предполагает взаимодействие всех факторов производства, максимизирующее функцию общественной пользы, соблюдению подобной идиллии противодействуют реальные условия конкретных рынков. Регулирование хозяйственной практики, обусловленное естественным и субъективным сопротивлением недостаточно предсказуемыми изменениями ее условий, должно строиться на сформулированных целях общественного развития и использовании механизмов, приближающих состояние управляемой системы к желаемому результату с меньшими затратами общественных ресурсов. Естественно, чем меньше параметров регулируется принудительно, тем компактнее и эластичнее инструментарий регулирования, тем свободнее и ответственнее экономические агенты. Но свобода выбора надежнее служит общественным целям, если экономические агенты лучше понимают суть процессов, в которых участвуют. В подавляющем большинстве случаев процессы, изучаемые экономической наукой, многомерны и невозпроизводимы. С. М. Вишнев (один из сподвижников академика В. С. Немчинова) написал почти 40 лет назад: «Каждый экономический объект практически неисчерпаем по своим свойствам, и его измерение может производиться различными способами, в зависимости от целей исследования. Любой из возможных способов измерения может считаться проекцией объекта на данную координату. ...В любом случае мы получаем дополнительную информацию ценою утраты других показателей»²⁷.

---

²⁶ Предисловие к книге: Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП Журнал «Вопросы экономики», 2004. <http://www.vopreco.ru/rus/books.files/blaug.html#avt>

²⁷ Вишнев С. М. Экономические параметры (введение в теорию показателей экономических систем и моделей). С. 118.

Поскольку в общем случае экономическую величину «...можно рассматривать как „точку“ в абстрактном многомерном пространстве ее измеряемых свойств»²⁸, то конкретизация допустимой меры абстракции диктуется именно целями исследования. Они устанавливают меру уступок (или, если угодно, пренебрежения наличной информацией), фиксируемых исследовательской гипотезой, тем самым, определяя выбор методологии сбора и аналитической обработки информации. Однако полученные результаты, в том числе и методология измерения, не могут без дополнительных исследований транспонироваться на внешне сходные ситуации, но в другом месте или в другое время. В лучшем случае они пригодны для краткосрочной оценки²⁹ ситуации в конкретном месте и в конкретное время. В экономических наблюдениях нет оснований утверждать наличие прямой связи между параметрами А и В, если не доказано отсутствие их общей зависимости от параметров С или D.

2. «Предмет экономической науки — не товары и услуги, а деятельность живых людей... Единственная задача экономической науки — анализ деятельности людей, процессов»³⁰. Но человек — главный субъект экономических отношений — отнюдь не всегда рационален и последователен в своих мотивах, оценках и приоритетах. Из-за такой переменчивости статистические наблюдения в экономике отражают лишь некий исторический факт. Они строго привязаны к месту и времени, в лучшем случае, демонстрируют и, возможно, кое-когда подтверждают логику человеческого поведения, но никогда не служат прямым доказательством истины того или иного экономического утверждения.

Мировоззренческие позиции экономиста-исследователя априори строятся на аксиоме: в естественнонаучных системах взаимодействие отдельных составляющих подчиняется объективным и постоянным закономерностям, которые могут быть воспроизведены в независимом опыте, в экономической системе постоянные отношения — нонсенс. Главный субъект общественных отношений — человек — в процессе своей производительной деятельности обучается, меняя, возможно, незаметно для себя, ценностные приоритеты и корректируя свое общественное поведение. Кроме того, в явной или неявной форме изменения в общественные отношения

---

²⁸ Вишнев С. М. Экономические параметры. С. 119.

²⁹ В. М. Полтерович в упомянутом докладе заметил, что «в экономической науке не происходит накопления фундаментальных эмпирических закономерностей. Скорее наоборот: ранее обнаруженные и казалось бы фундаментальные связи между параметрами впоследствии не подтверждаются». Он оценивает это как очередное свидетельство кризиса экономической науки, но, может быть, неверна исходная гипотеза?

³⁰ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. С. 335.

вводятся непрерывно и, если речь идет о рыночной экономике, во многих случаях целенаправленно. «Экономист знает, что приводит в действие рыночный процесс. И только благодаря этому знанию он может отличить рыночные явления... и описать рыночный процесс»³¹.

Измерения в таких принципиально не формализуемых условиях, естественно, не в состоянии объективно обеспечить сопоставимость двух и более замеров тех или иных количественных параметров даже при строгих методологических стандартах их исчисления. В результате каждый исследователь, пользуясь доступной информацией для собственных оценок, обязан себе и заинтересованным лицам объяснить, что он намерен подтвердить (или опровергнуть) в экономической теории³², и с какой целью занялся расчетами.

3. Практическая экономика начиналась с расчетов и по сию пору нешла им замены при решении своих функциональных задач. В самом деле, прежде чем начать производство, здравомыслящий человек должен оценить, во-первых, что, в каких масштабах и когда предложить рынку, во-вторых, какие и в какой последовательности потребуются ресурсы, в-третьих, через какие каналы и с какими затратами они доступны, и, наконец, как, когда и с какой вероятностью удастся исполнить принятые обязательства. По сути, ему предстоит измерить и сравнить ценность разных потребительных благ в текущем и будущем. Для этого ему необходимы некоторая методология и соответствующие единицы измерения.

Расширение географии торговых сделок и обуславливаемое этим разнообразие обменных отношений не поколебали привычку к монетарным расчетам (или деньгам в представлении Аристотеля) при всех экономических обменах. Однако начало промышленной революции и замеченная заинтересованными лицами спираль воспроизводственных циклов спровоцировали интерес к оценке сравнительно отдаленных последствий текущих хозяйственных решений. Этому интересу способствовало и то, что к началу XVIII в. в форпостах европейского капитализма (Британии и Голландии) уже активно функционировали товарные и фондовые биржи, а векселя, ассигнации, акции и облигации занимали прочные позиции в рутинном обороте финансовых инструментов многих европейских стран.

---

³¹ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. С. 333.

³² М. Блауг в статье «Несложный урок экономической методологии» утверждает: «в экономической науке противоречия между теорией и фактами никогда не носят абсолютного характера» и «экономистам для того, чтобы отбросить какую-либо теорию, нужно гораздо больше фактов, чем, скажем физикам». www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/Article/Vved_FilEkon.php

Другой родовой меткой промышленной революции стало удлинение производственной цепочки, которое сопровождалось вовлечением в хозяйственный оборот дополнительного труда и капитала. Усложнение и дифференциализация общественных отношений стимулировали поиск форм справедливого распределения вновь созданной стоимости между владельцами факторов производства. Оценка сравнительной ценности разных товаров из абстрактно-мировоззренческого стремления к познанию плавно перетекала в практическую плоскость разработки методологии рационального распределения текущих доходов. Серьезному бизнесу и большинству практикующих специалистов было очевидно, что прямой ценовой расчет далеко не всегда и не для всех экономических ситуаций достаточно корректен.

Во-первых. «Деньги не есть мера цен или ценностей. Деньги не измеряют ценность. И цены не измеряются деньгами: они есть только количество денег»³³. Равновесие «величины цен» и «количества товаров» колеблется, причем в обе стороны и, как правило, непредсказуемо. Стоимостная оценка продукта лишь позволяет контролировать расход ресурсов на его производство и реализацию в данное время и при некотором фиксированном соотношении цен на рынке продуктов конечного потребления и наличности. Однако определение текущей цены капитала или, тем более, его цены в будущем (или прошлом) периоде вынуждено строиться на понимании течения процесса его воспроизводства и денежного спроса на производимые в условиях конкуренции продукты, т. е. требует убедительной постановки конкретной задачи и, соответственно, фиксации «технических условий» ее выполнения.

Во-вторых. Деньги всегда отражают среднее меновых соотношений множества продуктов, которые на рынке обретают цену (или, иначе, свое соответствие определенному количеству мерных единиц), но только при условии, если они свободно обмениваемы и хотя бы по одному признаку (в том числе, возможно, по функции и/или форме будущего потребления) взаимозаменяемы. При этом деньги, чтобы посредничать не только в прямом обмене продуктов конечного потребления, но и в обмене производственными благами, должны обладать признанными символами ценности. Однако в общем случае тождественность денег как мерила ценности в издержках производства и в ценах конечного потребления спорна. Она признается обществом лишь условно, по молчаливому согласию, так как «цены всегда являются денежными ценами, а издержки³⁴ невозможно учесть в экономическом расчете, если они не выражены на языке денег»³⁵.

³³ Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ.

³⁴ Прежде всего, самую спорную их часть — амортизационные отчисления. — Л. Р.

³⁵ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. С. 331.

В-третьих. Экономика — это всегда деятельность, направленная на развитие. Но все действия, связанные с развитием, по определению предполагают неопределенный результат. Причем, как предельно точно заметил С. М. Вишнев, в экономике неформально сосуществуют две практически неразделимые формы неопределенности: закономерная (теоретически предсказуемая и вычисляемая) и случайная (принципиально не предсказуемая и не вычисляемая)³⁶. При неопределенности развития будущее всегда сопряжено со спекуляцией, неизбежным следствием непредсказуемой изменчивости социально-экономической среды. Риск, азарт, игровой элемент превращаются в неотъемлемый каждодневный элемент социального бытия. «Каждый из нас пользуется пониманием, сталкиваясь с неопределенностью событий, к которым ему приходится приспособлять свою деятельность. Специфические рассуждения спекулянта суть понимание различных факторов, определяющих будущие события. Деятельность всегда необходимо нацелена на будущее, поэтому неопределенные состояния — это всегда спекуляция»³⁷.

Неопределенность и неизбежно сопутствующая ей спекуляция в быстром процессе социально-культурной эволюции последовательно формировали особый тип личности, лучше других, на подсознательном уровне, чувствующий, понимающий и реализующий рациональную линию общественного поведения — предпринимателя. Последние, в свою очередь, породили и обустроили благоприятную для своего воспроизводства форму бытия — конкурентную среду. Личная ответственность и системное восприятие внутренней природы экономики стали обязательными принципами предпринимательской деятельности. А рациональное отношение к исполнению своих функциональных задач в воспроизводстве обязывает любого предпринимателя стремиться «...производить такие изделия, продажа которых принесет ему выручку, которую он ценит выше, чем весь комплекс благ, израсходованных на их производство»³⁸.

В своем предвидении будущего ему приходится считаться с влиянием времени, со скоростью его течения, так как в экономике, как пишет С. М. Вишнев, «равные интервалы времени в прошедшем и будущем отнюдь не эквивалентны»³⁹. Эта неэквивалентность — следствие не только технологических изменений, но и периодических колебаний спроса на продукты потребления и факторы производства. Даже применительно

---

³⁶ Вишнев С. М. Экономические параметры (введение в теорию показателей экономических систем и моделей). С. 143.

³⁷ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. С. 58.

³⁸ Там же. С. 331.

³⁹ Вишнев С. М. Экономические параметры (введение в теорию показателей экономических систем и моделей). С. 142.

к проектам внутри фирмы, имеющей внешних поставщиков и сбывающей продукты более чем на одном рынке, прямые денежные расчеты будут включать, по крайней мере, две условности: обратный дисконт (амортизация) и дисконт для оценки величины реального капитала в будущем. Однако неизбежную и осознанную в таких случаях ошибку оправдывает цель расчета: найти разумную политику развития и рациональные варианты тактики ее осуществления. В макроэкономических расчетах территориального развития (или в выборе стратегии развития многофункциональных компаний), где число допустимых комбинаций использования факторов производства и располагаемых ресурсов возрастает экспоненциально, подобные подходы в принципе не могут привести к достаточно приемлемому результату.

Заинтересованность общества в эффективных инструментах общественно полезного регулирования экономической ситуации стимулировала многих экономистов-теоретиков на поиски искусственного измерителя полезности или стоимости, или, по крайней мере, инструментария и технологии исчисления некоторых постоянных зависимостей, позволяющих описать возможные последствия системного взаимодействия на экономику множества факторов. Одной из первых была зависимость, замеченная Д. Риккардо, который «...был поражен тем фактом, что исчисленный в деньгах постоянной покупательной способности рост заработной платы мог бы увеличить цену трудоемких товаров относительно цены товаров капиталоемких или, иначе говоря, понизить относительную цену капиталоемких товаров. Поскольку средние цены сохранялись постоянными, верно... что товар, производимый при среднем соотношении капитала и труда... не будет изменяться в цене вследствие увеличения ставок заработной платы»⁴⁰. Если бы удалось найти такое соотношение, то такой комбинированный товар можно было бы с достаточным основанием принять за «неизменную меру ценности». Ф. А. фон Хаек назвал это открытие «эффектом Риккардо».

Через полтора века итальянский экономист П. Сраффа, спасаясь от фашизма, по приглашению Дж. Кейнса перебрался в Англию, где стал главным редактором наследия Риккардо, и в рамках своей профессиональной деятельности «осовременил» многие его взгляды. Так, в монографии «Производство товаров посредством товаров» он предпринял попытку объяснения и доказательства всеобщности и постоянства действия «эффекта». Для этого Сраффа⁴¹ вводит и определяет категории «базисного» и «небазисного» товаров: первый прямо или косвенно участвует в

---

⁴⁰ *Блауг М.* Система Риккардо. http://gallery.economicus.ru/cgiise/gallery/frame_rightn.pl?type=in&links=../in/ricardo/lectures/ricardo_13.txt&img=works.jpg&name=ricardo

⁴¹ Подробнее см.: *Блауг М.* Система Риккардо.

производстве всех товаров экономики, второй — в производстве только товаров конечного потребления. Тогда, по его мнению, если результаты труда интерпретировать как произведенные средства производства, то «блага, приобретенные на заработную плату» правомерно считать «базисными» товарами⁴². Следовательно, в конечном счете «базисными» оказываются все накопленные капитальные блага, а «небазисными», как ни странно, — труд и земля. Далее Сраффа вводит понятие «стандартный товар», куда фактически включает конечную совокупность «базисных товаров», взятых в той же пропорции, в какой они используются в производстве самих себя. В такой модели относительные цены и норма прибыли или заработная плата⁴³ определяются исключительно технологическими условиями производства «стандартного товара» (или совокупности «базисных товаров»), поскольку «небазисные» по определению никогда не переходят в статус ресурса. Тогда изменение заработной платы или любой другой цены ресурса, не обусловленное переменами в технологии производства, не влияет на относительные цены, измеренные в категории «стандартного товара», так как по определению в результате одновременно меняются единица меры и структура самого «стандартного товара»⁴⁴. Следовательно, «стандартный товар», смоделированный подобным образом, может считаться «неизменной мерой ценности», и задача Риккардо якобы обрела решение.

Однако Сраффа, пишет Блауг, ради идеологической убедительности слишком упростил условия функционирования своей экономической модели. Тем самым он искусственно построил и обосновал свой главный тезис: поскольку «небазисные товары» не влияют на величину нормы прибыли, «... национальный продукт, выраженный в физических или ценностных категориях, будет полностью свободен от воздействия со стороны способа распределения чистого продукта между заработной платой и прибылью»⁴⁵. В своих рассуждениях Сраффа признает, что в рамках предложенной им теории «становится невозможным наглядно представить себе стандартную систему как мыслимое преобразование реальных процес-

---

⁴² При условии, что они провоцируют домашние хозяйства на производство услуг труда.

⁴³ В зависимости от того, что задано экзогенно.

⁴⁴ Пропорции, а следовательно, и структура расчетной цены.

⁴⁵ Эта нелепица нашла теоретическое и практическое продолжение в работах известного экономиста-статистика академика Ал. Л. Вайнштейна, с легкой руки которого в советскую государственную статистику вошел странный измеритель «физический объем валового национального продукта», а его совсем нелепые отпрыски типа «индексы физического объема основных фондов» или «коэффициенты обновления и выбытия основных фондов» благополучно существуют и ныне. Кроме того, она позволяла левым, вызывая к социальной справедливости, требовать перераспределения национального дохода.

сов». Последнее упростило резюме для Блауга: «В книге Сраффы едва ли есть предложение, которое относилось бы к реальному миру, и совершенно очевидно, что автор предпочитает логическую строгость практической значимости»⁴⁶.

Довольно едко и независимо от Блауга оценил эту работу С. М. Вишнев, по мнению которого П. Сраффа «...затратил всю свою жизнь для обоснования инвариантности искусственно построенного мерила „физического объема продукции“ в виде особого набора товаров... Но и с принципиальной стороны никакие „идеальные деньги“ или „стабильные наборы товаров“ не могут служить инвариантной мерой ни стоимостей, ни потребительных стоимостей неоднородных совокупностей материальных благ»⁴⁷.

«Эффект Риккардо» явился одной из попыток найти некий долгосрочно действующий и независимый от меновой стоимости эквивалент ценности, попытки, ставшей начальным вкладом в длительную историю эволюции трудовой теории стоимости. Знаменательно, что в качестве такого постоянного соотношения Риккардо в одном из ранних своих «Очерков» предложил цену меры пшеницы. Риккардо практик, прагматик, с детства знакомый с динамичной атмосферой биржевых торгов, скорее всего не помышлял о своей придумке как о пропуске в пантеон «вечных идей». Он своей логикой практиковавшего торговца и действующего политика допустил, что цена на продукт, формирующий базу продовольственного обеспечения основной массы населения, может служить условным эталоном «неизменной мерой ценности». Так как в каждый регистрируемый момент времени с выбранным эталоном соотносятся стоимости совокупности товаров, обмениваемых на рынке, цена каждого из них и сумма цен совокупности будут пропорциональны «неизменной мере», и отражают все ее колебания, провоцируемые изменениями технологии производства пшеницы и спроса на нее⁴⁸.

Использование «плавающего» начала шкалы отсчета и одновременно относительных цен — фундаментальный сдвиг в теории экономических измерений. В данном случае конечные цены продукта, измеренные

---

⁴⁶ Блауг М. Система Риккардо.

⁴⁷ Вишнев С. М. Экономические параметры (введение в теорию показателей экономических систем и моделей). С. 117–118.

⁴⁸ В «зерновой модели» Риккардо рассматривает зерно как единственный продукт сельского хозяйства и одновременно как единственный ресурс сельского хозяйства и промышленности (семена и продукты питания, «авансируемые» рабочим). Только в таком случае независимо от любых изменений прибыли и заработной платы зерно, вступающее в потребление параллельно как ресурс и как продукт, сохраняет свою относительную цену неизменной, что делает последнюю совершенной «мерой ценности». См.: Блауг М. Система Риккардо.

переменной частью издержек собственного производства, превращались в новый условный эталон, менее зависимый от колебаний спроса на другие продукты. Реализация предложенного принципа⁴⁹ существенно расширяла возможности экономического анализа. По сути, предлагалось сопоставление результативности множества субъектов экономических отношений при условии их выравнивания и последующего ранжирования по одному признаку — соотношению цены на реализуемые продукты и цены меры пшеницы, измеренной затратами заработной платы на ее производство.

Однако, во-первых, для Англии времен Риккардо пшеница действительно являлась основным компонентом продовольственного обеспечения, чего нельзя сказать, например, о Китае или Японии. Во-вторых, уже в те времена при жуткой бедности населения, особенно мелких фермеров, Англия не только слыла великой империей, но и обладала собственным стабильно-устойчивым сельскохозяйственным производством. Эти обстоятельства в определенной степени гарантировали относительно малые колебания цен на зерновых рынках страны. В-третьих, «Очерки» написаны во времена, когда в хаосе биржевых спекуляций формировались английский денежный и фондовый рынки и банковская система как потенциальный регулятор денежного оборота. Множество параллельно действующих финансовых инструментов, разных по функциональному назначению и надежности, в жесткой борьбе и при ограниченной информационной прозрачности доказывали свое право на существование. Рынок финансовых инструментов формировал поток бумажных суррогатов денег в какой-то мере независимо от потока товаров, в результате в стране реально обращалось больше символов денег, чем совокупная стоимость обращающихся товаров. Наконец, если в качестве «неизменной меры ценности» выбран параметр, прямо или косвенно расчетно «привязанный» к ценам или издержкам, любые сопоставления, в которых он используется, допустимы и правомерны только в том случае, если отнесены к единому моменту времени. Не следует игнорировать, что с возникновением ростовщичества деньги обрели свойства абстрактного товара, обладающего собственной ценой, зависимой от суммы стоимостей совокупности товаров, обращающихся на рынке в данный момент. Это вводит в анализ дополнительную неопределенность, не поддающуюся учету или даже оценке с точностью, допустимой для доказательных расчетов.

Трудовая теория стоимости явилась развитием «зерновой модели». Экономисты, целиком или частично ее исповедующие, попытались таким путем снизить уровень неопределенности расчетов, наблюдаемый

⁴⁹ Независимо от выбора методологии исчисления «эталона».

при пользовании стоимостными оценками. Здесь за базовый качественный параметр принималось рабочее время, теоретически независимое от случайностей меновых отношений. Теоретически при таком подходе вопрос, в конечном счете, сводился к технологии исчисления цены и издержек, опирающейся на методологию редукции труда. Однако начало промышленной революции принципиально трансформировало организацию производственного процесса, возникали новые и исчезали прежние массовые профессии. Производственные технологии из подручного инструмента мастера превратились в систему требований к его профессиональным качествам. Развитие породило часто неосознаваемое преклонение перед естественными науками как формой познания и технической умелостью как средством преобразования мира. Субъективным отголоском такой системы взглядов явилась вера в использование математики как обязательного доказательства «научности» теоретических построений, объясняющих мироустройство, в том числе и проблем, порождаемых человеческой деятельностью. Между тем сегодня все очевиднее, что достижения экономики и других общественных наук в последние два века менее всего опирались на классические догматы трудовой теории стоимости.

С. М. Вишневу, посвятивший свою монографию проблеме экономических измерений и учету влияния фактора времени, критически проанализировал большинство западных и советских взглядов по рассматриваемым вопросам. Среди прочих он включил в свой обзор почти все модели, предложенные в рамках исследования проблем оптимального планирования, направления, крайне популярного в научной и экономической среде тех лет. В 70-е гг. XX в. он не решился открыто посягнуть на краеугольное понятие марксистской версии трудовой теории стоимости «общественно необходимые затраты труда». Однако, почти не критикуя многие модели, вполне успешно находившие решения отдельных частных проблем, все же осмелился категорично высказаться о слабой надежде на особые продвижения в будущем в области редукции труда. Выполненный анализ С. М. Вишневу завершил достаточно общим выводом: «В настоящее время наиболее распространено соизмерение по ценам, которое при всем его несовершенстве обладает коренным преимуществом — универсальностью»⁵⁰.

На много лет раньше, опираясь на внутреннюю логику функционирования рыночной экономики, Мизес отметил привлекательность и неизбежность использования при меновых отношениях денег, поскольку «расчеты, опирающиеся на меновые ценности, позволяют создать единую

---

⁵⁰ Вишневу С. М. Экономические параметры (введение в теорию показателей экономических систем и моделей). С. 123.

единицу ценности. И с тех пор как рынок создает ситуацию взаимозаменяемости товаров, для этой цели можно выбрать любой товар. В денежной экономике выбраны для этого деньги⁵¹. Трудно не согласиться со столь жестким и лаконичным утверждением.

В экономических расчетах, в которых в качестве единицы меры используются деньги, с имманентно присущими им и описанными выше дефектами, для каждого исследования (а в экономике это в подавляющем большинстве сопоставление) желательны точно сформулированные цели. В противном случае «нескончаемые дискуссии о соотношениях... между темпами роста, между затратами и результатами производства и т. д. в значительной мере бесплодны из-за того, сам предмет спора не определен однозначно; неизвестно, какие измеряемые величины сопоставляются между собой»⁵².

Например, при оценке территориальной социально-экономической политики, чтобы найти искусственную меру, менее зависимую от ценовых колебаний, возможно использование функционально-целевых блоков, т. е. набора параметров, которым оценивают исполнение конкретной управленческой функции. В каждом блоке используется один базовый и несколько дополняющих измерителей. Если анализируется относительно большая совокупность территорий, целесообразно использование статистических распределений.

Структурные перемены в производственных и социальных отношениях протекают крайне медленно. Опыт функционально-целевого анализа расширяет знание, которое, однако, нельзя прямолинейно транспонировать на новое состояние экономики. Приобретенное знание не снижает уровень неопределенности, но позволяет формулировать новые условия снижения исполнительского риска. При внятной формулировке целей и допущений в каждом конкретном исследовании и для каждого конкретного показателя достижим приемлемый уровень сопоставимости. Функционально-целевые блоки позволяют оценить взаимосвязи показателей при исполнении конкретных управленческих функций⁵³.

В заключение хотелось бы заметить, в упомянутом ранее докладе академик В. М. Полтерович, отсылая, правда, к книге Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна, мягко намекает: «Наши знания о существенных фактах в области экономики несравненно меньше, чем знания, которыми мы располагали в физике к тому моменту, когда была достигнута ее математиза-

⁵¹ Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ.

⁵² Вишнева С. М. Экономические параметры (введение в теорию показателей экономических систем и моделей). С. 121.

⁵³ Подробнее см.: Реймер Л. А. Инвестиционный процесс и системные преобразования в экономике страны и регионов // Труды ИСА РАН. Теория и практика системных преобразований. Т. 22. М.: КомКнига/URSS, 2006. С. 60–90.

ция... В физике было бы абсурдным ожидать появления Кеплера и Ньютона без Тихо, — и нет никаких оснований надеяться на более легкое развитие в экономике»⁵⁴. Здесь, по-моему, явное противоречие с высказанным ранее замечанием об ущербности современного экономического образования. Вряд ли практический интерес к сути обменных отношений возник намного позже практического интереса к звездам. Беда в том, что объяснить физические и общественные процессы, используя единые методологические принципы, не удастся.

В этой связи, учитывая растущий практический интерес к формированию стратегии развития, было полезно, как о том 40 лет назад писал В. С. Вишнев, четко сформулировать наше понимание и стратегии, и развития. Нынешнее использование количественных параметров все чаще приобретает характер политических заявлений. Когда будущие проекты вперед оцениваются с точностью до второго знака, а любые упоминания об институциональных переменных отсутствуют, становится как-то тревожно. Все же, говоря о стратегии на сравнительно отдаленное будущее, следует больше внимания уделять качественным решениям. Каждое поколение вправе самостоятельно выбирать собственные приоритеты, но, побуждая готовность к неожиданному маневру и расширяя способность реализации последнего неплохо оснастить его (поколение) большим пониманием и уважением к институциональному обеспечению фундаментальных принципов общественного воспроизводства при саморазвивающихся рыночных отношениях.

---

⁵⁴ *Полтерович В. М.* Доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика» в феврале 1997 г. «Кризис экономической теории». <http://www.cemi.rssi.ru/rus/publi-cat/e-pubs/d9702t/d9702t.htm>